
ПЕРВАЯ СТЕПЕНЬ

С.А. Климович*

В ПОИСКАХ ЕДИНОЙ ТЕОРИИ КОАЛИЦИОННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА: ОТ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО НАЦИОНАЛИЗМА К МЕТОДОЛОГИЧЕСКОМУ РЕГИОНАЛИЗМУ

Аннотация. Исследование коалиций считается одним из самых теоретически проработанных и динамичных направлений в политической науке и разрабатывается в рамках сразу нескольких подходов. Каждый из них выступает основой для формирования моделей и концепций, объяснительная и прогностическая способность которых ограничена заданными методологическими рамками. Сегодня на повестку ставится вопрос о создании единой теории коалиционного строительства, которая могла бы примирить между собой и объединить существующие модели. Большим вызовом для исследования коалиций выступает доминирование «методологического национализма» в качестве отправной точки для анализа коалиционного строительства. Появление всё большего числа исследований субнациональных политических процессов, в том числе коалиционного строительства, демонстрирует начинающийся переход к «методологическому регионализму». Ответом на обозначенные вызовы может стать создание единой, но «децентрализованной» теории коалиционного строительства, которая будет формироваться сразу в двух измерениях: горизонтальном – интеграция теоретико-игровых моделей, а также моделей, построенных в рамках теории рационального выбора и нового институционализма; и вертикальном – разработка и применение инструментария, подходящего для объяснения коалиционного строительства на национальном, региональном и локальном уровнях власти. В данной статье продолжается поиск

---

* **Климович Станислав Андреевич**, аспирант Национального исследовательского университета Высшая школа экономики, e-mail: sklimovich@hse.ru

Klimovich Stanislav, National Research University Higher School of Economics, (Moscow, Russia), e-mail: sklimovich@hse.ru

аргументов в пользу единой теории коалиций, а также предлагаются методико-теоретические наработки, которые могут быть использованы при ее создании.

Ключевые слова: коалиции; теория коалиционного строительства; методологический национализм; методологический регионализм.

S.A. Klimovich

**In search for a unified theory of coalition construction:
From methodological nationalism to methodological regionalism**

Abstract. Study of coalition formation which is one of the most developed and dynamic in political science builds upon several methodological approaches. Once chosen, each approach not only provides a basis for models and concepts, but also imposes limitations on its explanatory and predictive powers. Creation of a single theory of coalition formation integrating current models and concepts is on the agenda today. The domination of «methodological nationalism» as starting point for coalition analysis is a major challenge for coalition formation study. Yet emerging studies of subnational politics and regional coalition formation illustrates a shift towards «methodological regionalism». A single but «decentralized» theory may respond to these challenges, which will develop in two dimensions: it will horizontally integrate game-theoretic, rational choice and institutional models; and it will vertically elaborate analytical tools to explain coalition formation at national, regional and local levels. This article is a further contribution to arguments in favor of a single coalition formation theory and contains some assumptions it can be based on.

Keywords: coalitions; theory of coalition formation; methodological nationalism; methodological regionalism.

Исследование коалиций считается одним из самых теоретически проработанных и динамичных направлений в политической науке. Вместе с тем ученых, занимающихся изучением коалиционного строительства, сравнивают со «слепцами, которые с разных сторон прикасаются к одному и тому же слону [процессу формирования коалиций], получая представление лишь о части всей картины» [Martin, Stevenson, 2001, p. 49]. Причина подобной иронии кроется в том, что проблема коалиционного строительства разрабатывается в рамках сразу нескольких подходов: теории игр, теории рационального выбора и нового институционализма. Каждый из них выступает основой для формирования моделей и концепций, объяснительная и прогностическая способность которых ограничена заданными методологическими рамками.

Теория коалиций эволюционировала от преобладания сугубо «арифметических» правил большинства (сложения мест, контро-

лируемых партиями в парламенте после выборов) и минимальности (количества партий, участвующих в создании правительства) до учета целого ряда институциональных факторов, оказывающих влияние на формирование коалиций, например: роли главы государства в создании правительства, наличия процедуры назначения кабинета парламентом или обмена позитивными / негативными коалиционными сигналами между партиями в ходе избирательной кампании [см.: Gamson, 1961; Riker, 1962; Leiserson, 1968; Strom, Vudge, Laver, 1994; Coalition governments... 2003]. С совершенствованием этих моделей «слепцы» все лучше осязают слоновьи уши, хобот или бивни, но не могут исчерпывающе осознать «слона» целиком. Сегодня на повестку ставится вопрос о создании единой теории коалиционного строительства, которая могла бы примирить между собой и объединить существующие модели. Все большее многообразие форм коалиционных правительств как на национальном уровне, так и в регионах приводит к необходимости пересмотра и обновления теоретических подходов: учитывая значительный разброс в оценке эффективности разных моделей в результате тестирования на эмпирических данных, можно ожидать, что единая теория позволит достичь максимальной объяснительной и прогностической силы в отношении потенциальных коалиций [Martin, Stevenson, 2001; Müller, 2004].

Другим «большим» вызовом для исследования коалиций выступает доминирование «методологического национализма» в качестве отправной точки для анализа коалиционного строительства [см.: Wimmer, Glick Schiller, 2002; Jeffery, 2008]. Методологический национализм¹ заключается «в допущении, что нация / государство / общество – естественная социальная и политическая форма современного мира» [Wimmer, Glick Schiller, 2002, p. 302]. Применительно к изучению коалиционного строительства это означает, что аналитический инструментарий исследователей оказывается нечувствителен к особенностям субнациональных и тем более локальных политических процессов, которые выступают в роли самостоятельных факторов формирования коалиций и способны значительным образом повлиять на его результаты. С па-

---

¹ Здесь и далее термин «методологический национализм» обозначает исследовательский (методологический) аппарат, созданный и применяемый для объяснения политических процессов на национальном уровне. Он не имеет отношения к классическому понятию национализма как политического течения.

раллельными процессами интеграции между государствами (наиболее яркий пример – европейская интеграция) и децентрализации внутри государств, усилением перманентного перемещения полномочий и функций между разными уровнями власти возникает устойчивая необходимость в серьезной корректировке доминирующего государственноцентричного подхода к объяснению политики [Jeffery, 2008, p. 553]. Появление все большего числа исследований субнациональных политических процессов, в том числе коалиционного строительства, демонстрирует начинающийся переход к «методологическому регионализму» [см.: *Autonomist parties in Europe*, 2006; Marks, Hooghe, Schakel, 2008 a; Marks, Hooghe, Schakel, 2008 b; см. также: Ştefuriuc, 2009; Däubler, Debus, 2009; *Regional government formation... 2013*].

Ответом на обозначенные вызовы может стать создание единой, но «децентрализованной» теории коалиционного строительства, которая будет формироваться сразу в двух измерениях: горизонтальном – интеграция теоретико-игровых моделей, а также моделей, построенных в рамках теории рационального выбора и нового институционализма; вертикальном – разработка и применение инструментария, подходящего для объяснения коалиционного строительства на национальном, региональном и локальном уровнях власти. В данной статье продолжается поиск аргументов в пользу единой теории коалиций, а также предлагаются методико-теоретические наработки, которые могут быть использованы при ее создании.

Важно отметить, что рассматриваемые далее теории сфокусированы на объяснении правительственных коалиций в демократических системах, где кабинет министров формируется и является подотчетным парламенту, и это задает объективные границы познаваемого «слона». Данная статья продолжает дискуссию о единой теории коалиционного строительства именно в демократиях, практически не пересекаясь с традицией исследования (преимущественно неформальных) коалиций в недемократических политических режимах.

Методологический национализм в исследовании коалиций

Теории коалиционного строительства, которые сегодня принято считать классическими, основываются на разных методоло-

гических подходах, но их объединяет одно общее допущение: единицей анализа по умолчанию выступает государство, т.е. национальное коалиционное правительство. Это приводит к двум базовым ограничениям классических исследований коалиций. Во-первых, они сфокусированы на изучении политических процессов, протекающих на национальном (общегосударственном) уровне и не занимаются субнациональной политикой. Во-вторых, они предлагают аналитический инструментарий, который может быть успешно применен для объяснения и прогнозирования формирования национальных правительств, но оказывается недостаточно эффективен в объяснении коалиционного строительства в регионах и муниципалитетах. Тем не менее эти модели и концепции заложили основу существующего знания о коалициях и в случае создания единой теории коалиционного строительства должны стать важнейшими ее составляющими.

Создавая коалиции, партии, как правило, руководствуются двумя основными мотивами: стремлением получить места в правительстве (*office-seeking*) и стремлением реализовать свой политический курс (*policy-seeking*) [Laver, Schofield, 1990]. Эта логика поведения партий легла в основу первых двух волн исследования коалиционного строительства, которые опирались на теорию игр и теорию рационального выбора.

Начало было положено вытекающей из теоретико-игрового подхода идеей о том, что коалиция должна состоять лишь из тех игроков, которые необходимы для победы [von Neumann, Morgenstern, 1944, p. 429–430]. Это предположение получило свое развитие в работах У. Гэмсона и У. Райкера. Гэмсон сформулировал общую гипотезу теории создания коалиций: каждый игрок ожидает, что другие игроки будут рассчитывать на получение своей доли выгоды от коалиции, пропорциональной количеству ресурсов, которые они вносят в ее актив [Gamson, 1961]. С точки зрения теории игр, именно в такой логике партии осуществляют конечный выбор партнера или партнеров и создают правительственную коалицию, основываясь на реципрокности действий и стремлении максимизировать прибыль от своего участия в коалиции. Райкер сформулировал принцип минимальности в коалиционном строительстве, который служит основой для минимизации издержек партий при создании коалиций – они должны контролировать достаточное, но минимально необходимое количество мест в legisla-

туре [Riker, 1962]. Его заслуга состоит в операционализации основных понятий новой теории применительно к политике: минимальная выигрышная коалиция (*minimal winning coalition*) и минимально выигрышная коалиция (*minimum winning coalition*). Выигрышность коалиции заключается в наличии у нее достаточного количества мест в парламенте для формирования кабинета. Минимальной выигрышной считается та коалиция, каждая партия-участница которой необходима для обеспечения большинства в парламенте, а выход одной из них чреват потерей этого большинства. Минимально выигрышной считается наименьшая из всех минимальных выигрышных коалиций, которая ближе всего находится к отметке 50% + 1 голос в легислатуре. Развивая тему минимальности, М. Лейсерсон приходит к выводу, что для успешного создания коалиции важно не столько наименьшее (и при этом достаточное) количество мест в парламенте, сколько наименьшее количество партий, участвующих в формировании кабинета [Leiserson, 1968]. Из его теоремы переговоров (*bargaining proposition*) следует: чем меньше партий задействовано в переговорах, тем больше министерских портфелей сможет получить каждая из них и тем быстрее они смогут договориться. В итоге правительственные посты распределяются достаточно пропорционально между партнерами по коалиции, с небольшим преимуществом в пользу младшего партнера [Debus, 2008, p. 517]. Старшим же партнером, или «форматором» (*formateur*), коалиции чаще всего становится партия, контролирующая большинство мест в парламенте, поскольку обладает наиболее сильной переговорной позицией и практически гарантирует себе место в правительстве [Austen-Smith, Banks, 1988; van Deemen, 1989; Baron, Diermeier, 2001].

В основе первой политико-ориентированной теории коалиционного строительства Р. Аксельрода лежит понятие «конфликта интересов» и базовое допущение о том, что его величина оказывает прямое влияние на вероятность конфликтного поведения [Axelrod, 1970; 1978]. В этом смысле утилитарная функция создания коалиции, по Аксельроду, – минимизация конфликта интересов между потенциальными партнерами по коалиции. Конфликт интересов операционализируется посредством размещения акторов в одномерном политическом континууме, и его величина соответствует расстоянию между партиями на политическом спектре. Наилучшим решением для партий, стремящихся к получению министер-

ских портфелей в правительстве, становится создание минимальной связанной выигрышной коалиции (*minimal connected winning coalition*), которая является «минимальной» и «выигрышной» в классическом смысле и при этом состоит из политических сил, соседствующих на политическом спектре. А. де Сваан развивает идею Аксельрода и переходит от простого соседства партий, образующих коалицию на шкале «левый – правый», к расчету идеологической дистанции между ними. Его теория минимальной дистанции (*minimal range theory*) предполагает, что рациональные акторы-партии, находясь в поиске партнеров по будущей коалиции, способны рассчитать, насколько они идеологически близки либо отдалены друг от друга, и на основе такого анализа принять решение о формировании правительства [De Swaan, 1973]. Ключевым аргументом в пользу подобных коалиций выступает тот факт, что такие коалиции «соседей» на политическом спектре имеют меньшие идеологические различия, а значит, конфликт интересов между партнерами минимизируется. При этом шансы на попадание в коалицию наиболее велики у той партии, которая в рамках определенного измерения политики занимает срединное положение (*median legislator, median party*) [Laver, Schofield, 1990, p. 111]. Поскольку в реальности политический процесс многомерен, М. Лэвер и К. Шепсл смоделировали правительство, в котором распределение портфелей (*portfolio allocation*) в коалиции происходит в пользу партий, занимающих срединную позицию в каждой из отдельно рассматриваемых сфер (*dimension-by-dimension median party*): например, во внешней политике, экономическом развитии, социальной сфере и т.д. [Laver, Shepsle, 1996; Laver, 1998, p. 20].

Тестирование обозначенных выше теорий коалиционного строительства на практике показывает их ограниченную объяснительную и прогностическую силу. Базовым ограничением их эффективности выступает тот факт, что они предлагают большое количество вариантов коалиций, которые могут быть созданы [Laver, Schofield, 1990, p. 93–94]. Это позволяет объяснить множество реально сформированных коалиций, но существенным образом снижает возможности прогнозирования. Тест И. Баджа и М. Лэвера показывает, что, например, минимальная связанная выигрышная коалиция дает 35% объяснения и всего 12% прогноза, *median legislator* в одном измерении – 78 и 12%, *dimension-by-dimension median party* – 83 и 11% соответственно [Budge, Laver, 1993, p. 509]. Более

поздняя проверка эффективности указанных теорий, проведенная Л. Мартином и Р. Стивенсоном, фактически подтвердила результаты предыдущего теста, продемонстрировав прогностическую силу теоретико-игровых моделей коалиционного строительства в 11% [Martin, Stevenson, 2001, p. 47].

В работе «Constraints on Cabinet Formation on Parliamentary Democracies» К. Стром, И. Бадж и М. Лэвер подняли проблему недостатка внимания со стороны своих предшественников по изучению коалиций к формальным процедурам, связанным с формированием правительства, назвав эти исследования *institution-free* и выдвинув предположение о том, что существуют объективные ограничения коалиционного строительства, которые необходимо учитывать [Strom, Budge, Laver, 1994]. Под ограничениями авторы понимали факторы, способствующие сокращению возможных альтернатив коалиций, которые не поддаются контролю участников в краткосрочной перспективе (во время переговоров), т.е. институты. При этом по типу оказываемого воздействия на результат процесса коалиционного строительства указанные ограничения разделяются на *hard* (максимальная степень формализации – де-факто формальный / структурированный институт) и *soft* (минимальная степень формализации, или неформальный / неструктурированный институт). Первые представляют собой преимущественно правовые нормы и делают реализацию определенных коалиционных констелляций заведомо невозможной. Последние же состоят из устоявшихся неформальных «правил игры», которые систематически выполняются участниками переговорного процесса, делая реализацию одного из проектов коалиций более / менее вероятной. Стром, Бадж и Лэвер систематизируют предложенные ими ограничения следующим образом [ibid., p. 310–321]:

– *правила формирования правительства*: его размер и состав, наличие формальной процедуры и условий для его введения в должность – например, инвеституры, а также правила коалиционных переговоров;

– *институты, регулирующие деятельность правительства*: ответственность за принятие решений, правила отставки кабинета;

– *институты, регулирующие деятельность парламента*: правила голосования, особенности и условия роспуска легислатуры, а также ключевые параметры избирательной системы;

– *институты, регулирующие деятельность партий*: официальные заявления относительно коалиционных перспектив, эндогенное / экзогенное неучастие в определенных коалициях, внутрипартийная борьба;

– *внешние вето-игроки*: зарубежные и внутрисистемные.

Схожее институциональное измерение коалиционного строительства предлагают В. Мюллер и К. Стром, разделяя ограничения на институциональные и обусловленные партийной системой [Coalition governments... 2003, p. 565]. Среди неформальных институтов, регулирующих межпартийное взаимодействие, наиболее важны коалиционные сигналы, которые делятся на позитивные и негативные и которыми партии обмениваются в ходе кампании [см.: Debus, 2007; Debus, 2009; Decker, 2009; Warwick, 2006]. Обозначенная дихотомия «позитивный» / «негативный» – сигнал укладывается в логику «пактов» (*pacts*) и «антипактов» (*anti-pacts*) [см.: Martin, Stevenson, 2001, p. 36–37]. Наиболее формализованы следующие варианты коалиционных сигналов: а) создание полноценной предвыборной коалиции (*pre-electoral coalition*) и б) однозначный отказ от участия в возможном союзе с маркированием другой партии как «антисистемной» (*anti-system party, pariah party*) [см.: Strom, Budge, Laver, 1994; Golder, 2005; Golder, 2006 a; Golder, 2006 b; см. также Sartori, 1976; Powell, 2000; Coalition governments... 2003, p. 569; Geys, Heyndels, Vermeir, 2006].

Тестирование влияния институтов на создание коалиционных правительств доказывает, что введение таких ограничений в модели коалиционного строительства позволяет значительно улучшить их прогностическую силу. Мартин и Стивенсон утверждают, что точность прогноза в этом случае увеличивается до 40% [Martin, Stevenson, 2001, p. 47]. Таким образом, теории коалиционного строительства, разработанные в рамках методологического национализма для объяснения создания коалиций на национальном уровне, дают относительно убедительные прогнозы лишь в том случае, если они оказываются интегрированными в единые модели. Однако этот успех вновь ставится под сомнение, когда речь идет об объяснении коалиционного строительства на субнациональном уровне – в городах и регионах. Ответом на новый эмпирический вызов для все еще разрозненных теорий создания коалиций стали исследования, наметившие переход к созданию концепций и моделей, учитывающих многоуровневость политиче-

ских систем и воздействие расстановки сил между партиями на национальном и субнациональном уровнях на результаты коалиционного строительства как в центре, так и в регионах.

Методологический регионализм в исследовании коалиций

Рост внимания к региональному коалиционному строительству и выборам в литературе объясняется нарастанием и углублением процессов децентрализации и регионализации политических систем. В исследовании 42 развитых стран с 1950 по 2006 г. на предмет увеличения / снижения полномочий региональных властей было обнаружено, что 29 стран осуществили регионализацию, две перешли к большей централизации и 11 оставили отношения между центром и регионами без существенных изменений. При этом на 42 реформы, направленные на снижение региональной автономии, приходится 342 реформы, направленные на ее увеличение (соотношение 1:8) [Marks, Hooghe, Schakel, 2008 b, p. 177]. Активный рост стремления центра пересмотреть отношения с регионами в пользу последних начался с 1970-х годов. Авторы связывают эту тенденцию с масштабными культурными изменениями конца 1960-х годов и мобилизацией национальных меньшинств в Бельгии, Великобритании, Канаде и других странах [ibid., p. 178].

Такое увеличение самостоятельности регионов в принятии решений не могло не привести к изменению процесса формирования региональных органов власти, которые теперь стали избираться их жителями. Исследователи связывают это с необходимостью соблюдения одного из базовых демократических принципов, по которому посты, предполагающие значительный объем полномочий, должны замещаться в ходе соревновательных выборов [Hooghe, Marks, 2003]. Наличие наряду с национальными выборами региональных ставит несколько вопросов. Насколько поведение избирателей, партий и политиков может отличаться в зависимости от уровня кампаний? Формируются ли устойчивые паттерны электорального поведения на выборах в регионах, отличные от национальных выборов? В заочном споре с Д. Карамани, который утверждал, что «институциональная децентрализация [...] не привела к регионализации поведения избирателей» [Caramani, 2004, p. 291],

Ч. Джеффри готов согласиться с его тезисом в отношении национальных избирательных кампаний, но предлагает сфокусироваться на анализе региональных выборов, которые могут стать пространством для иного «регионализованного» электорального поведения [Jeffery, 2008, p. 552].

Долгое время региональные выборы в литературе считались «выборами второго уровня» (*second order elections*). Этим термином К. Райф и Г. Шмитт обозначили в своем исследовании выборы в Европейский парламент (которые в их представлении занимали подчиненное положение по отношению к выборам национальным), указав, однако, что подобное положение могут занимать также муниципальные и региональные выборы [Reif, Schmitt, 1980, p. 8–9]. Основной посыл подобной «второсортности» выборов наднационального и субнационального уровня заключается в том, что граждане не относятся к ним так же серьезно, как они относятся к выборам, определяющим состав национального правительства. Такие выборы характеризуются меньшей явкой и более активным протестным голосованием (за оппозицию, малые партии и партииаудсайдеры) [ibid.].

А. Шапель и Ч. Джеффри приводят аргументы, опровергающие применение понятия *second order* к региональным выборам [Schakel, Jeffery, 2013, p. 326–328]. Во-первых, с ростом децентрализации «на кону» (*at stake*) региональных выборов стоят большие полномочия, которыми наделены региональные правительства и парламенты, и избиратель отдает себе в этом отчет, понимая важность участия в выборах в своем регионе и формируя различные стратегии голосования для общенациональных и региональных выборов. Ф. Катлер называет это явление «демократическим гражданством разного уровня» (*split-level democratic citizenship*). [Cutler, 2008, p. 502]. Во-вторых, во многих регионах формируются региональные партии (*non-state-wide parties*), которые уже не являются «малыми партиями» в логике «выборов второго уровня», но могут выступать значительной (и даже ведущей) политической силой в пределах своего региона, артикулируя специфические местные интересы избирателей и поддерживая их региональную идентичность. Проанализировав 2933 случая выборов в 313 регионах 17 стран, авторы пришли к выводу, что объяснительная сила *second order* подхода к выборам имеет значительные ограничения

и дает объяснение только 18% случаев (531 из 2933) [Schakel, Jeffery, 2013, p. 339].

В результате было выработано базовое представление о том, что региональные выборы не могут восприниматься просто как функция от национальных выборов. Для качественного объяснения и тем более точного прогнозирования поведения избирателей, предвыборных стратегий партий и коалиционного строительства после выборов на субнациональном уровне требуется отдельный теоретический инструментарий, который дополнил бы классические концепции, разработанные в рамках методологического национализма.

Многоуровневость политической системы выступает одним из базовых институциональных ограничений свободы партий при выборе потенциальных партнеров по коалиции. Такая новация в рамках методологического регионализма встраивается в логику институциональной волны классических исследований коалиционного строительства: наличие нескольких уровней власти, взаимодействующих между собой, формирует «коридор возможностей» для партий при выстраивании взаимоотношений друг с другом как в центре, так и в регионах. Взаимоотношения центра и регионов принято рассматривать в двух измерениях: самостоятельности региональной власти (*self-rule*) и кооперативности управления (*shared rule*) [Elazar, 1987].

Г. Маркс, Л. Хуг и А. Шакель операционализируют предложенные Д. Елазаром понятия следующим образом [Marks, Hooghe, Schakel, 2008 a, p. 114–115]. Под первым понимается степень автономии региона в управлении собственной территорией. Ключевые критерии *self-rule*: 1) независимость (и выборность) региональной исполнительной и законодательной власти; 2) объем полномочий и предметов самостоятельного ведения региона; 3) его фискальная автономия. Кооперативность управления (*shared rule*) показывает степень вовлеченности региона в принятие решений на общенациональном уровне и определяется: 1) участием в законодательном процессе; 2) включенностью в определение политического курса национального правительства; 3) влиянием на перераспределение собранных центром налогов; 4) необходимостью согласования с регионом изменений, вносимых в конституцию страны. Логично предположить, что в зависимости от комбинации обозначенных возможностей региона по самоуправлению и воздействию на принятие решений в центре степень национализации партийных

систем (т.е. соответствия региональных партийных систем национальным) и стратегии партий будут различаться. Большая автономия должна способствовать созданию *non-state-wide* партий и большей самостоятельности региональных отделений национальных партий в выборе партнеров по коалиции. Большая вовлеченность регионов в дела центра должна, напротив, стимулировать процесс национализации партийной системы и унификации коалиционных стратегий партий на национальном и на региональном уровнях.

Для объяснения коалиционных предпочтений партий в многоуровневых системах основополагающим выступает принцип конгруэнтности коалиций (*coalition congruence*), в соответствии с которым партийный состав региональных коалиционных правительств коррелирует с партийным составом национальных правительственных коалиций [Roberts, 1989]. Логика этого принципа достаточно очевидна: партии, которые управляют страной, заинтересованы в том, чтобы возглавлять и региональные правительства. Это позволяет им минимизировать издержки при определении политического курса (особенно в случаях, когда регионы могут оказывать на него влияние, см.: *shared rule*) и обеспечивать реализацию выбранного курса на местах, избегая блокирования своих инициатив со стороны потенциально оппозиционно настроенных региональных правительств. Следует отметить, что необходимость в конгруэнтности усиливается, когда от расстановки сил в регионах зависит распределение мест между правящими партиями и оппозицией в верхней палате парламента.

И. Стефуриуч развивает эту идею и предлагает следующую классификацию коалиций по степени их конгруэнтности [Ştefuriuc, 2009, p. 96; Ştefuriuc, 2013, p. 89]:

- полностью конгруэнтные (*fully congruent*): региональные и федеральное правительства состоят из одних и тех же партий;
- полностью неконгруэнтные (*fully incongruent*): региональные и федеральное правительства состоят из разных партий (отсутствует пересечение между ними);
- частично конгруэнтные (*partly congruent*): некоторые из партий, формирующих федеральное правительство, участвуют в региональной коалиции.

Аргумент Стефуриуч состоит в том, что партии в наибольшей степени заинтересованы в создании полностью конгруэнтных

коалиций. В своем исследовании она находит подтверждение влиянию принципа конгруэнтности на коалиционное строительство [Ştefuriuc, 2013, p. 95].

Т. Дойблер и М. Дебус, анализируя коалиционное строительство в германских землях, приходят к выводу, что для партий в меньшей степени принципиально формирование полностью конгруэнтных коалиций в регионах. Важно, чтобы не происходило создание «пересекающихся коалиций» (*cross-cutting coalitions*), которые идут вразрез с разделением на власть и оппозицию на национальном уровне [Däubler, Debus, 2009]. Под пересекающимися коалициями понимаются союзы между партиями, которые находятся в национальном правительстве, и партиями, находящимися в оппозиции в национальном парламенте. Анализ показывает, что партии стараются избегать формирования подобных коалиций, особенно когда они могут изменить соотношение большинства-меньшинства в бундесрате (второй палате германского парламента, состоящей из представителей земель) и когда приближаются следующие федеральные выборы [ibid., p. 90].

Недавнее исследование коалиционного строительства на региональном уровне в восьми европейских странах показало, что в целом в многоуровневых системах партии действительно стараются избегать создания *cross-cutting* коалиций [Regional government formation... 2013, p. 15–16]. В сравнении коалиционных стратегий в политических системах с преобладанием *self-rule* или *shared rule* ожидалось, что в последних, учитывая возможности регионов влиять на национальную повестку, количество пересекающихся коалиций должно быть ниже по причинам, указанным ранее (большая национализация партийной системы и большая унификация стратегий партий). Однако выяснилось, что и в странах с большей автономией регионов, и в странах, где регионы активно вовлечены в принятие решений на национальном уровне, пересекающиеся коалиции формируются достаточно часто. К схожему выводу пришла Стефуриуч по итогам сравнения коалиционного строительства в Испании и Германии [Ştefuriuc, 2013, p. 95]. Объяснением этим результатам, по мнению авторов, может служить наличие *bottom-up* логики коалиционного строительства, когда региональные выборы становятся пространством для коалиционных новаций и позволяют создавать новые объединения, проверять их устойчивость, с тем чтобы в дальнейшем использовать для формирования национальных коалиций [Regional government formation... 2013, p. 16].

В целом подобные результаты моделей, разработанных в рамках методологического регионализма, не должны удивлять. Вместе с идеей о том, что для объяснения создания региональных коалиций классические теории коалиционного строительства необходимо применять с большей осторожностью, пришло понимание сложности, нелинейности и разнонаправленности влияния во взаимоотношениях национального и субнационального политических процессов. Несмотря на значительную проработанность относительно новой темы коалиционного строительства в многоуровневых системах, необходимы дальнейшие исследования, которые будут уточнять базовые концепции методологических регионалистов и способствовать лучшему пониманию каузальных связей в создании коалиций между центром и регионами.

Вместо заключения:

Три принципа и одно предложение для единой теории

Исследователи коалиций предприняли несколько попыток систематизировать полученное ранее знание в некую систему критериев, объединяющую сразу несколько моделей и концепций, которые были созданы в рамках классических теорий коалиционного строительства [см.: Budge, Herman, 1978; Budge, Keman, 1990]. Однако развития в направлении единой теории эти наработки так и не получили. Формулируя собственную теорию коалиционного строительства в многоуровневых системах (и фактически обозначая переход к методологическому регионализму в исследовании коалиций), Стефуриуч обозначила несколько важных допущений, на которых основаны обновленное понимание и применение классических теорий в новых условиях [Ştefuriuc, 2013, p. 15–24].

1. *Партии не являются унитарными акторами.* В многоуровневых системах как минимум отделения национальных партий обладают определенной автономией и могут иметь собственные цели и интересы.

2. *Цели партий могут быть разными.* В многоуровневых системах партии одновременно преследуют несколько целей на нескольких уровнях политического процесса.

3. *Политический процесс многомерен.* В многоуровневых политических системах, как правило, существует как минимум

одно дополнительное измерение политики, которое необходимо учитывать в анализе позиций партий, – отношения между центром и регионами.

4. *Коалиционный процесс представляет собой многоуровневую игру (nested games)*. В многоуровневых политических системах партии координируют свои действия сразу на нескольких площадках – национальном и субнациональном уровнях выборов.

Представляется, что создание единой теории коалиционного строительства, которая, с одной стороны, не теряла бы связь с основополагающими теоретическими наработками методологических националистов, а с другой – могла бы успешно применяться для объяснения и прогнозирования коалиций, формируемых на разных уровнях власти, должно быть основано на трех базовых принципах: *адаптивности, интегрированности и многоуровневости*.

Адаптивность единой теории коалиционного строительства предполагает, что ее структурные элементы должны быть устойчивыми и при этом в достаточной мере «гибкими». Наряду с «ядром» теории, которое уже практически сформировано классическими концепциями и моделями, она должна обладать наборами аналитического инструментария, подходящего для анализа отдельных случаев или групп случаев коалиционного строительства. Их конфигурация может меняться в зависимости от специфики той или иной политической системы. В этом случае «включение» в конкретную объясняющую модель, используемую исследователем, либо «выключение» из нее отдельных концепций должно происходить без потери в качестве объяснения и прогнозирования.

Интегрированность такой теории означает, что она включает в себя лучшие и наиболее перспективные концепции и модели, разработанные в рамках разных методологических подходов. Такая теория концентрируется на точках соприкосновения и взаимодополняемости этих моделей, а не на их различиях. При этом каждая релевантная концепция становится полноценным структурным элементом, который может войти в «ядро» единой теории, а может оказаться в ее опциональной части и применяться при необходимости. В единой теории институциональные ограничения и теоретико-игровые модели поведения партий становятся ее равнозначными и взаимосвязанными составляющими, служащими общей цели повышения точности объяснения и прогноза случаев коалиционного строительства.

Многоуровневость единой теории коалиционного строительства указывает на то, что среди ее структурных элементов присутствуют концепции, разработанные в рамках методологического регионализма для объяснения создания коалиций в многоуровневых системах. Такие концепции должны преимущественно располагаться в опциональной части теории и «подключаться» к объяснению в соответствующих случаях. При этом, учитывая разнаправленность каузальных связей в коалиционном строительстве между центром и регионами, следует теоретически проработать и включить в единую теорию *top-down* (национальный контекст влияет на коалиционное строительство в регионах), *bottom-up* (региональный контекст влияет на коалиционное строительство в центре) и *one-to-one* (коалиционное строительство в одних регионах влияет на формирование коалиций в других регионах) критерии формирования коалиций.

Подходящим форматом для объясняющих моделей в рамках единой теории коалиционного строительства может выступить так называемая коалиционная формула, которая будет состоять из суммы релевантных для анализируемых политической системы / уровня выборов критериев. Каждая переменная в такой формуле должна быть соответствующим образом операционализована: например, минимальная связанная выигрышная коалиция; положительный коалиционный сигнал; полная конгруэнтность и т.д. Индикатором переменных должно выступить наличие (1) или отсутствие (0) признака. Коалиционная формула в конечном счете будет выдавать «коалиционную оценку» – сумму баллов, которые получил каждый проанализированный коалиционный проект. Вероятность (т.е. предпочтительность) создания коалиции в такой модели прямо пропорциональна оценке: чем выше коалиционная оценка, тем более предпочтительна коалиция. При этом количество критериев, заложенных в формулу, и максимальный балл могут меняться в зависимости от анализируемой политической системы в соответствии с принципами, обозначенными выше. Формат «коалиционной формулы» представлен здесь в самом общем виде для продолжения дискуссии о воплощении единой теории коалиционного строительства и требует дальнейшей проработки и тестирования.

Разработка эффективного алгоритма для интеграции всего массива существующих теорий, концепций и моделей, объясняю-

щих коалиционное строительство не только с позиций разных методологических подходов (теории игр, рационального выбора и нового институционализма), но и с позиций методологий разного уровня (национализм vs регионализм в теориях коалиций), призвана решить «парадокс слепцов и слона», заявленный в начале данной статьи. Разделяя общие принципы и объединяя на их основе усилия в рамках единой теории коалиционного строительства, «слепцы» если и «не прозреют», то хотя бы сумеют поделиться друг с другом своими представлениями, интегрировать свое знание, а значит, познать «слона» в той степени, в которой это позволяют существующие подходы и методы политической науки.

Список литературы

- Austen-Smith D., Banks J.* Elections, coalitions, and legislative outcomes // *American political science review*. – Baltimore, Md, 1988. – Vol. 84. – P. 405–422.
- Autonomist parties in Europe: Identity politics and the revival of the territorial cleavage / L. de Winter, P. Lynch, M. Gomez-Reino Cachafeiro, Acha B. (eds.).* – Barcelona: ICPS, 2006. – 557 p.
- Axelrod R.* A Coalition theory based on conflict of interest // *Interorganizational relations. Selected writings / W.M. Evan (eds.).* – Harmondsworth: Penguin, 1978. – P. 44–54.
- Axelrod R.* Conflict of interest. – Chicago: Markham, 1970. – 216 p.
- Baron D.P., Diermeier D.* Elections, governments, and parliaments in proportional representation systems // *Quarterly journal of economics*. – Oxford, 2001. – Vol. 116. – P. 933–967.
- Budge I., Herman V.* Coalitions and government formation: An empirically relevant theory // *British journal of political science*. – Cambridge, 1978. – Vol. 8. – P. 459–477.
- Budge I., Keman H.* Parties and democracy. – Oxford: Oxford univ. press, 1990. – 256 p.
- Budge I., Laver M.* The policy basis of government coalitions: A comparative investigation // *British journal of political science*. – Cambridge, 1993. – Vol. 23. – P. 499–519.
- Caramani D.* The nationalization of politics. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2004. – 349 p.
- Coalition governments in Western Europe / Müller W.C., Strom K. (eds.).* – N.Y.: Oxford univ. press, 2003. – 624 p.
- Cutler F.* One voter, two first-order elections? // *Electoral studies*. – Amsterdam, 2008. – Vol. 27. – P. 492–504.
- Däubler T., Debus M.* Government formation and policy formulation in the German states // *Regional and federal studies*. – L., 2009. – Vol. 19. – P. 73–95.
- De Swaan A.* Coalition theories and cabinet formations. – Amsterdam: Elsevier, 1973. – 347 p.

- Debus M.* Office and policy payoffs in coalition governments // Party politics. – Thousand Oaks, CA, 2008. – Vol. 14, N 5. – P. 515–538.
- Debus M.* Pre-electoral alliances, Coalition rejections, and multiparty governments. – Baden-Baden: Nomos, 2007. – 228 p.
- Debus M.* Pre-electoral commitments and government formation // Public choice. – N.Y.: Springer Science+Business Media, 2009. – N 138. – P. 45–64.
- Decker F.* Koalitionsaussagen der Parteien vor Wahlen. Eine Forschungsskizze im Kontext des deutschen Regierungssystems // Zeitschrift für Parlamentsfragen. – Baden-Baden: Nomos, 2009. – Vol. 40. – S. 431–453.
- Deemen A., van.* Dominant players and minimum size coalitions // European journal of political research. – Malden, Mass., 1989. – Vol. 17. – P. 313–332.
- Elazar D.J.* Exploring federalism. – Tuscaloosa: The univ. of Alabama press, 1987. – 335 p.
- Gamson W.* A theory of coalition formation // American sociological review. – Menasha, Wis, 1961. – Vol. 26, Iss. 3. – P. 373–382.
- Geys B., Heyndels B., Vermeir J.* Explaining the formation of minimal coalitions: Anti-system parties and anti-pact rules // European journal of political research. – Malden, Mass., 2006. – Vol. 45. – P. 957–984.
- Golder S.* Pre-electoral coalition formation in parliamentary democracies // British journal of political science. – Cambridge, 2006 a. – Vol. 36. – P. 193–212.
- Golder S.* Pre-electoral coalitions in comparative perspective: A test of existing hypotheses // Electoral studies. – Amsterdam, 2005. – Vol. 24. – P. 643–663.
- Golder S.* The logic of pre-electoral coalition formation. – Columbus: Ohio State univ. press, 2006 b. – 209 p.
- Hooghe L., Marks G.* Unraveling the central state, but how? Types of multi-level governance // American political science review. – Baltimore, Md., 2003. – Vol. 97, N 2. – P. 233–243.
- Jeffery C.* The challenge of territorial politics // Policy and politics. – Bristol, 2008. – Vol. 36. – P. 545–557.
- Laver M.* Models of government formation // Annual review of political science. – Palo Alto, CA, 1998. – Vol. 1. – P. 1–25.
- Laver M., Schofield N.* Multiparty government: The politics of coalition in Europe. – Oxford: Oxford univ. press, 1990. – 308 p.
- Laver M., Shepsle K.* Making and breaking governments: Cabinets and legislatures in parliamentary democracies. – Cambridge: Cambridge univ. press, 1996. – 301 p.
- Leiserson M.A.* Factions and coalitions in one-party Japan: An interpretation bases on the theory of games // American political science review. – Baltimore, Md., 1968. – Vol. 62. – P. 770–787.
- Marks G., Hooghe L., Schakel A.H.* Measuring regional authority // Regional and federal studies. – L., 2008 a. – Vol. 18. – P. 111–121.
- Marks G., Hooghe L., Schakel A.H.* Patterns of regional authority // Regional and federal studies. – L., 2008 b. – Vol. 18. – P. 167–181.
- Martin L.W., Stevenson R.T.* Government formation in parliamentary democracies // American journal of political science. – N.Y., 2001. – Vol. 45, N 1. – P. 33–50.

- Müller W. Koalitionstheorien // Politische Theorie und Vergleichende Regierungslehre / Helms L., Jun U. (eds.). – Frankfurt a.M.; N.Y.: Campus, 2004. – S. 267–301.
- Neumann J., von, Morgenstern O. Theory of games and economic behavior. – Princeton: Princeton univ. press, 1944. – 625 p.
- Powell G.B. Elections as an instrument of democracy: majoritarian and proportional visions. – New Haven: Yale univ. press, 2000. – 312 p.
- Regional government formation in varying multilevel contexts: A comparison of eight European countries / Bäck H., Debus M., Müller J., Bäck H. // Regional studies. – L., 2013. – P. 1–20. – Mode of accesse: <https://www.researchgate.net/publication/262971380> (Accessed: 01.11.2017.)
- Reif K., Schmitt H. Nine second-order national elections: a conceptual framework for the analysis of European election results // European journal of political research. – Malden, Mass., 1980. – Vol. 8. – P. 3–44.
- Riker W.H. The theory of political coalitions. – New Haven: Yale univ. press, 1962. – 300 p.
- Roberts G. Party system change in West Germany: Land-federal linkages // West European politics. – L., 1989. – Vol. 13, N 4. – P. 98–113.
- Sartori G. Parties and party systems: A framework for analysis. – Cambridge: Cambridge univ. press, 1976. – 370 p.
- Schakel A.H., Jeffery C. Are regional elections really second-order' elections? // Regional studies. – L., 2013. – Vol. 47, N 3. – P. 323–341.
- Ştefuriuc I. Government formation in multi-level settings: Party strategy and institutional constraints. – Basingstoke, UK: Palgrave Macmillan, 2013. – 181 p.
- Ştefuriuc I. Government formation in multi-level settings: Spanish regional coalitions and the quest for vertical congruence // Party politics. – Thousand Oaks, CA, 2009. – Vol. 15. – P. 93–115.
- Strom K., Budge I., Laver M.J. Constraints on cabinet formation in parliamentary democracies // American journal of political science. – N.Y., 1994. – Vol. 38, N 2. – P. 303–335.
- Warwick P.V. Policy horizons and parliamentary government. – Houndmills: Palgrave: Macmillan, 2006. – 242 p.
- Wimmer A., Glick Schiller N. Methodological nationalism and beyond: Nation-state building, migration and the social sciences // Global networks. – N.Y., 2002. – Vol. 2, N 4. – P. 301–334.